

Последние слова он произнёс почти плача, и сквозь трубку чувствовались его обида и разочарование. Цзян Цяо взглянул на Шэнь Лиго, чьё лицо становилось всё мрачнее, и сказал:

— Хорошо, тогда иди и меняй. Потом я усыновлю тебя, и с моей поддержкой ты сможешь спокойно жить в этом кругу.

— Спасибо, учитель, — Шэнь Симо сделал паузу. — Я тронут. Но усыновление не нужно. У меня был только один отец, и я больше никого не признаю.

Улыбка Цзян Цяо стала шире, но в голосе это не отразилось.

— Хорошо, как скажешь.

Он закончил разговор и нарочито спросил Шэнь Лиго:

— У меня ещё есть время?

Шэнь Лиго, конечно, не ответил, и Цзян Цяо сам посмотрел на часы.

— О, ещё шесть минут. Я отказываюсь от них. Всё, что хотел сказать, сказал. Как учитель, я действительно мало чем могу ему помочь.

Когда Шэнь Лиго уходил, лицо его было чёрным, а Цзян Цяо улыбался, как лис. Он спокойно выпил две чашки чая и, выглянув в окно, увидел, как Шэнь Лиго садится в чёрную машину с военными номерами, и тихо вздохнул.

Люди — самые сложные существа в мире. До последнего момента их мысли и решения остаются загадкой.

Тан Сю вошёл в комнату и, глядя на удаляющуюся машину, слегка нахмурился.

— Этот Шэнь Лиго странно себя ведёт.

— Что? — Цзян Цяо удивился. — Я недостаточно хорошо выступил? Мне показалось, что он немного смягчился. Мужчины... их чувство собственности распространяется не только на женщин. Если бы у меня был сын, признавать его или нет — моё дело, но если бы кто-то попытался его у меня отобрать, я бы точно не позволил.

Тан Сю с лёгкой досадой покачал головой.

— Ты настоящий наглец.

— Если бы я подошёл к этому серьёзно, у меня не было бы права влиять на решение генерала, — Цзян Цяо тоже вздохнул. — Последние пару дней я думал о разных способах поговорить с ним, но в итоге остановился на этом. Сможет ли это помочь Шэнь Симо, зависит от его судьбы.

Но Тан Сю тихо сказал:

— Когда я говорю, что Шэнь Лиго странный, я не имею в виду его поведение.

Он сделал паузу.

— В традиционной медицине есть метод «смотреть, слушать, спрашивать, исследовать». Я только что наблюдал за его лицом и походкой. У него явно слабое здоровье, проблемы с

печенью, признаки серьёзной болезни.

— Что? — Цзян Цяо удивился. — Не может быть.

— Я не ошибаюсь, — Тан Сю сжал губы. — Расскажи об этом Шэнь Сымо. Внешняя помощь может быть лишь поверхностной. До какого уровня дойдут их отношения, зависит от них самих. Шэнь Лиго не бессердечный человек, а Шэнь Сымо — добрый и почтительный сын. Им не стоит становиться чужими из-за различий в крови.

...

Вечером Старый Предок уже собирался спать, как вдруг услышал, как дверь тихо открылась, и вскоре увидел Цзян Цяо с бутылкой хорошего вина. Он нагло улыбнулся:

— Давно не пили вместе. Наконец-то эти два дня позади. Не хочешь выпить?

Тан Сю поднял бровь.

— Со мной? Ты уверен?

Цзян Цяо засмеялся.

— По половинке, не больше. Просто поболтаем.

Старый Предок смотрел на него с видом «интересно, что ты придумашь».

Цзян Цяо сел на пол рядом с кроватью Тан Сю и, как обычно, начал с работы. Тан Сю слушал, лишь мысленно отмечая, что этот человек, несмотря на свою романтическую профессию режиссёра, совсем не умеет вести разговоры. Всегда только о работе. Прошло уже две недели с момента завершения съёмок «Плахи для лис», а Цзян Цяо всё ещё говорил одно и то же.

Ты отлично сыграл в «Плахе для лис».

Ты оживил Сяо Бай.

Когда Сяо Бай умер, мне было так тяжело.

Тан Сю уже устал от этих слов, поэтому большую часть времени, когда они разговаривали, он просто отключался, смотря на губы Цзян Цяо, но не слушая, что тот говорит.

Однако губы Цзян Цяо были идеальной формы. У большинства людей губы не совсем симметричны, но его были абсолютно ровными, без малейшего изъяна, сколько бы ты на них ни смотрел. Тан Сю недавно заметил, что у него появилась привычка смотреть на губы людей, и теперь он находил недостатки у всех.

То, что Старый Предок выработал в себе такую привычку ради него, уже говорило о многом.

Тан Сю вернулся к разговору и услышал, как Цзян Цяо всё ещё бормочет:

— На самом деле, в той сцене с экшеном ты мог бы сыграть лучше, но в тот день я снял тебя десять дублей, и я видел, что у тебя уже синяк на ноге, поэтому пожалел тебя.

Старый Предок вздохнул, видя, что бутылка почти пуста, а Цзян Цяо, выпив полбутылки, уже покраснел, и прервал его:

— Слушай, режиссёр...

— Что? — Цзян Цяо всё ещё был погружён в печаль от смерти Сяо Бай и не сразу понял. — В чём дело?

Тан Сю усмехнулся.

— Кроме сценариев и работы, у тебя больше нет тем для разговоров со мной?

— Эээ... — Цзян Цяо смутился и, подумав, сказал:

— Завтра утром мы снова будем есть тосты с яичницей? Ты в последнее время не так загружен работой, я могу сводить тебя в одно хорошее место на завтрак.

Тан Сю помолчал пару секунд.

— Кроме работы и еды, есть ещё что-то?

Цзян Цяо замолчал, а затем, через некоторое время, вздохнул и сдался.

— Я никогда ни за кем не ухаживал. У меня много связей, но я никогда не пытался специально создавать темы для разговоров... не очень получается.

Тан Сю улыбнулся.

— Понятно.

Цзян Цяо почесал голову, внутренне ругая себя, и, подняв глаза, увидел Стяг сбора душ, висящий над кроватью Тан Сю. Он прищурился, внимательно посмотрел на него и сказал:

— Не хочу льстить, но, если смотреть на него долго, он уже не кажется таким странным. Разорванный, но почему-то притягивает взгляд.

Тан Сю ещё не успел ответить, как Стяг сбора душ вдруг слегка дрогнул. Это было настолько незаметно, что Цзян Цяо даже не обратил внимания, но тысячелетний хозяин стяга не мог этого не заметить.

Тан Сю замер, поражённый, и долго смотрел на Стяг сбора душ, прежде чем с сомнением произнёс:

— Цзян Цяо, я думаю, что несобранная душа находится в тебе.

Цзян Цяо удивился.

— Насколько ты уверен?

— Очень, — Тан Сю посмотрел на него. — Всё больше и больше... хотя я пока не знаю, что это за душа.

Цзян Цяо совсем не смутился вопросом о несобранной душе. Его первой реакцией было:

— Значит, мы можем быть вместе?

Тан Сю...

Цзян Цяо засмеялся, слегка подвыпивший, он уже не сдерживался.

— Если бы я знал, что можно быть вместе, я бы не тратил время на эти неловкие разговоры. У нас столько всего можно делать.

Старый Предок поднял бровь.

— Например?

Цзян Цяо, отложив бокал, молча смотрел на Тан Сю. Тан Сю почувствовал, как у него зашевелились волосы на затылке.

— Эй...

Этот человек мог возбудиться в любой момент...

Цзян Цяо мягко обнял его, и, видя, что Тан Сю не сопротивляется, крепче прижал к себе, слегка наклонившись, чтобы поцеловать его в щеку, и тихо прошептал:

— Давай будем вместе.

— Не заставляй меня ждать. Рано или поздно мы будем вместе, ты же чувствуешь, что я тебе нравлюсь.

Дыхание Цзян Цяо щекотало лицо, и Тан Сю на мгновение замер. Он слегка повернул голову, чтобы встретиться с глазами Цзян Цяо, но так и не произнёс «да».

Через некоторое время Тан Сю тихо сказал:

— Отпусти, ты меня задушишь.

Но Цзян Цяо покачал головой.

— Даже если ты не согласишься, дай мне немного пообнимать тебя. Ты же Старый Предок, более ценный, чем ископаемое.

Тан Сю...

Но он не мог не признать, что каждый раз, когда Цзян Цяо обнимал его, это было крепче и надёжнее, чем он помнил. Этот человек, которому не было и тридцати, никогда не казался ему младшим. Он всегда смотрел на него на равных, и это было редкостью.

Тан Сю глубоко вздохнул, чувствуя, что эта жизнь действительно слишком удивительна. Всё происходило так внезапно, и всё началось с момента, когда он решил войти в этот круг.

Тан Сю, смиренно обнимаемый, размышлял о жизни, как вдруг зазвонил телефон.

— Час ночи, Ли Цыпин звонит?

— Что случилось?

Ли Цыпин с шоком произнёс:

— Ты не смотрел новости? Шэнь Сымо сегодня днём ворвался в военную зону, его приставили к

земле с оружием и чуть не застрелили. Сейчас он полностью исчез, его нигде не могут найти!

— Что?

Телефон был не на громкой связи, и Тан Сю увидел, как глаза Цзян Цяо расширились от шока.

— Где он сейчас?

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16171/1450044>